УДК: 323.22/28 DOI: 10.22394/2071–2367–2018–13–2–99–114

РЕСУРСНЫЙ ОБМЕН И КООПЕРАЦИЯ В СЕТЯХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНИЦИАТИВ В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКА, ЕКАТЕРИНБУРГА И НОВОСИБИРСКА)

Никифоров А.А., Шерстобитов А. С.[1]

Цель статьи - изучение механизмов ресурсного обмена и кооперации в сетях общественных инициатив в Челябинске, Екатеринбурге и Новосибирске. Для выявления казуальных связей между коммуникацией онлайн и сетевым сотрудничеством в публичной политике предложен синтез эксплоративной стратегии исследования сетей, заключающейся в количественном анализе, и объяснительной, реализуемой посредством экспертного опроса. В результате исследования выявлены стратегии коммуникационного взаимодействия и сетевого партнерства между акторами в двух измерениях: информационное продвижение проблемной повестки и публичное позиционирование сообществом кооперации с другими участниками. Авторы приходят к выводу, что во всех анализируемых случаях имеет место эффект ограниченной институциональной открытости, и формулируют две модели кооперации: протестную мобилизацию как результат административной неопределенности (Челябинск) и профессионализацию и целевую инкорпорацию гражданских инициатив в публичную политику (Екатеринбург и Новосибирск).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–011–00705 «Объяснительный потенциал сетевой теории в политических исследованиях: методологический синтез как аналитическая стратегия».

Ключевые слова: ресурсный обмен, кооперация, городские сети публичной политики, общественные инициативы, политические сети.

Никифоров Александр Андреевич – кандидат политических наук, доцент кафедры этнополитологии, Санкт–Петербургский государственный университет, адрес: 191060, Россия, Санкт–Петербург, ул. Смольного, д.1–3, e–mail: nikiforov@politpro.ru.

Шерстобитов Александр Сергеевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политического управления, Санкт–Петербургский государственный университет, адрес: 191060, Россия, Санкт–Петербург, ул. Смольного, д.1–3, e–mail: a.sherstobitov@spbu.ru.

RESOURCE EXCHANGE AND COOPERATION IN NETWORKS OF PUBLIC INITIATIVES IN RUSSIAN CITIES (ON THE EXAMPLE OF CHELYABINSK, EKATERINBURG AND NOVOSIBIRSK)

NIKIFOROV A.A. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Ethnopolitics, Saint Petersburg State University (Russian Federation, Saint Petersburg), e-mail: nikiforov@politpro.ru

SHERSTOBITOV A.S. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Political Governance, Saint Petersburg State University (Russian Federation, Saint Petersburg), e-mail: a.sherstobitov@spbu.ru

This article is devoted to the study of the mechanisms of resource exchange and cooperation in the networks of public initiatives in Chelyabinsk, Ekaterinburg and Novosibirsk. To identify the causal links between online communication and network cooperation in public policy, a synthesis of the exploratory network research strategy, consisting of quantitative analysis, and the explanatory, implemented through an expert survey, is proposed. As a result of the research, strategies for communication interaction and network partnership between actors in two dimensions were identified: informational advancement of the problem agenda and public positioning by the community of cooperation with other participants. The authors concluded that in all the analyzed cases there is a limited institutional openness effect; and two models of cooperation are formulated: protest mobilization as a result of administrative uncertainty (Chelyabinsk) and professionalization and targeted incorporation of civic initiatives into public policy (Ekaterinburg and Novosibirsk).

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project №18–011–00705 «Explanatory Potential of the Network Theory in Political Studies: Methodological Synthesis as an Analytical Strategy»

Keywords: resource exchange, cooperation, city public policy networks, public initiatives, political networks.

В современных исследованиях, посвященных участию негосударственных акторов в публичной политике в России, многие авторы подчеркивают неразрывную связь между кооперацией граждан и их включенностью в процессы выработки и принятия политико–управленческих решений. Сетевая самоорганизация дает возможности аккумулировать интересы, обмениваться

ресурсами, создавать коалиции и коллективно влиять на органы власти. Эмпирические исследования демонстрируют, что и НКО, и отдельные инициативы граждан тяготеют к выстраиванию горизонтальной коммуникации для формулирования повестки дня, общественной мобилизации, представительства интересов[1]. Более того, в результате формирования сетей гражданской активности, их включения в публичную сферу и взаимодействие с органами власти возникают устойчивые механизмы координации и согласования стратегий выработки и имплементации публичной политики[2]. Мы отталкиваемся от того, что ключевой базой построения горизонтальных связей является социальный капитал гражданских активистов, на основе которого постепенно институционализируются отношения между общественными инициативами, которые они представляют. Природа возникновения этого сетевого капитала может быть разной: от совместного участия в политической мобилизации[3] до включения в конфликтную повестку[4]. Тем не менее практически во всех работах отмечается, что сетевизация гражданского участия в публичной политике возникает на городском уровне, так как город уже пронизан многообразием социальных и институциональных контактов, а локальные проблемы являются ключевыми триггерами общественной активности.

Современное состояние проблемы

В политической науке сложился довольно устойчивый консенсус относительно использования сетевой методологии для изучения механизмов ресурсного обмена и кооперации между акторами публичной политики. Развитие сетевого подхода в западной политологии и, что самое важное, оформление методического инструментария позволяют успешно исследовать политическое пространство и особенности взаимодействия субъектов в процессе выработки и имплементации политики[5]. В российской практике сетевой анализ также

---

[1] Соколов А.В., Палагичева А.В. Тенденции развития гражданского участия в современной России // POLITBOOK. – 2016. – №3. – С. 85–97.

[2] Шерстобитов А.С. Координация как механизм коллективного действия в городских политических сетях (на примере Санкт–Петербурга) // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – №5 (35). – С. 148–153.

[3] Sherstobitov A. The potential of social media in Russia: From political mobilization to civic engagement // ACM International Conference Proceeding Series. – 2014. – P. 162–166.

[4] Кольба А.И., Соколов А.В. Городской конфликт: проблемы дефиниции, типологизации и управления // Конфликтология. – 2016. – №4. – С. 234–252.

[5] Rhodes, R.A.W., 1996. The New Governance: Governing without Government // Political Studies. – 44(4). – P. 652–667; Börzel, T.A. Organizing Babylon – on the different conceptions of policy networks // Public Administration. – 1998. – Vol. 76. – №2. – P. 253–273.

становится одной из доминирующих исследовательских стратегий. Например, можно выделить работы, посвященные теоретической концептуализации сетевого политического управления в современной России на национальном, региональном и городском уровнях[1]. Кроме того, сама теория политических сетей находится в фокусе отечественных исследователей, особенно в контексте современных общественных трансформаций[2]. В то же время всё чаще в исследовательском сообществе возникает и критика сетевой методологии. Ключевой проблемной точкой теории политических сетей является её невысокая объяснительная способность, заключающаяся в сложности выявления казуальных зависимостей между сетевыми интеракциями и их влиянием на реальную политику. Методический аппарат исследований позволяет очень хорошо исследовать сами сети и их динамику, но дает мало возможностей для объяснения политических процессов и публичной политики. Более того, довольно размытое понимание термина «политические сети» порождает методологический и методический разброс в эмпирическом анализе и кейс–стади, что делает очень сложным, если не сказать невозможным, проведение мета–исследований. В данной статье мы делаем попытку синтезировать сетевой анализ онлайн–коммуникаций сетевых общественных инициатив и анализ механизмов их сотрудничества в публичной политике оффлайн. Наша идея заключается в том, что для выявления взаимосвязей между сетевыми интеракциями и участием в публичной политике необходимо синтезировать два типа исследовательской логики: эксплоративную на первом этапе и объяснительную – на втором. Таким образом, сначала мы выявляем принципы организации сети общественных инициатив, а затем формулируем гипотезы, которые пытаемся протестировать с помощью качественного анализа. Разработанный методический аппарат апробируется на трех случаях сетевой политической кооперации в российских городах.

Методика и результаты эмпирического исследования

В качестве предмета исследования мы сфокусировались на механизмах и процессах ресурсного обмена и кооперации в сетях общественных инициатив. Для целей исследования был проведен анализ сетевого взаимодействия гражданских инициатив в городской политике трех российских городов:

---

[1] Сморгунов Л.В. Управляемость и сетевое политическое управление // Власть. – 2014. – № 6. – С. 5–14; Соловьев А.И. Государственные решения: концептуальный простор и тупики теоретизации // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 3. – С. 127–146.

[2] Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 2. – С. 82–102.

Екатеринбурга, Челябинска и Новосибирска. Исследование, с одной стороны, включало в себя анализ практик кооперации между гражданскими инициативами, органами власти и бизнесом путем мониторинга публичного пространства коммуникации в социальной сети «Вконтакте»[1]. С другой стороны, был проведен анализ практик ресурсного обмена – методом экспертного опроса – между инициативными группами бизнесом и органами государственной власти. Метод учитывал оценку коммуникационного взаимодействия и сетевого партнерства между акторами в двух измерениях: информационное продвижение проблемной повестки (распространение публикаций сообщества другими участниками сети) и публичное позиционирование сообществом кооперации с другими участниками (партнерские ссылки на другие группы).

Приведенная методика оценки имеет безусловные недостатки, обусловленные качеством информации в социальных сетях и проблемой ее валидности, однако полученные результаты имеют косвенное подтверждение в ходе применения других методов исследования.

В ходе количественного анализа число групп, представляющих сообщества гражданских активистов, в социальной сети распределилось по городам следующим образом: Челябинск – 18; Екатеринбург – 15; Новосибирск – 12. Критерием включения группы было наличие городской проблемной повестки и коммуникационной активности.

Уровень коммуникационного взаимодействия и сетевого партнерства определялся по городам через подсчет медианы (число ссылок на группы или информационные ресурсы–партнеры для групп в среднем). Итоговые значения имеют следующий вид по городам: Челябинск – 12; Екатеринбург – 9; Новосибирск – 6. При определении уровня горизонтальных связей городской группы оценивалась степень гетерогенности интересов участников сетевого партнерства относительно проблемной повестки группы. Были выделены следующие значения данного показателя: высокий – большинство участников сети не имеет общих целей и задач; умеренный – значимая доля участников имеет различные цели и задачи; низкий – большинство участников артикулирует аналогичные цели и задачи. Следует подчеркнуть, что в ряде случаев (Челябинск и Екатеринбург) анализ выявил, что некоторые группы не имеют публичных партнеров, что было учтено в общей совокупности долей различных видов гетерогенности.

Результаты общей оценки степени гетерогенности сетевого партнерства по указанным городам имеют следующий вид:

[1] Социальная сеть «Вконтакте» [электронный ресурс] – URL:https://vk.com (дата обращения: 02.02.2017).

- высокая гетерогенность участников более характерна для сетей в Челябинске (33%), которые сформированы на базе проблем экологии, социальной и личной безопасности, гражданских прав. Для Екатеринбурга и Новосибирска доля сетей с гетерогенным составом составляет соответственно 20% и 8%, при этом они имеют схожую проблемную повестку;

- умеренная гетерогенность участников в большей степени присутствует в сетях Екатеринбурга (40%), большинство из которых в своей деятельности затрагивают вопросы экологии, городской архитектуры и инфраструктуры, социальной и личной безопасности. В Новосибирске и Челябинске доля подобных сетей – 31% и 28%, а основная проблематика касается защиты культурного плюрализма, прав животных, экологии, социального развития и безопасности;

- низкая гетерогенность участников в большей степени характеризует сети Новосибирска (61%), направленные на защиту культурного плюрализма, борьбу с мусором, защиту социальной и личной безопасности.

Полученные результаты позволяют сформулировать гипотезу о том, что развитие городских инициатив и движений предполагает формирование широкой по качественному составу сетевой кооперации участников.

Данную гипотезу косвенно подтверждает анализ сетевой кооперации при публичном позиционировании, который был проведен поисковыми инструментами социальной сети и учитывал источники упоминания групп соответствующей инициатив. Хотя в отдельных случаях подобный подсчет не представляется возможным провести (отсутствие уникального названия для поиска), в целом можно отметить, что, с одной стороны, имеет место тенденция концентрации сетевого взаимодействия участников в рамках общей публичной проблемной повестки и поддержки основной инициативной группы (Челябинск – экологическое движение «Стоп ГОК»; Екатеринбург – фонд борьбы с наркозависимостью «Город без наркотиков»; Новосибирск – инициативы в области архитектуры, (безопасной) городской среды: «Тут грязи. Нет», «Искалеченный Новосибирск», «ЖКХ Контроль Новосибирск», «Гражданский патруль»).

При этом можно отметить, что использование движениями блоковой кооперации (интеллектуальный и информационный обмен) достаточно часто предполагает привлечение участниками–партнеров из других регионов, имеющих схожий опыт или проблемную повестку (экология, проблема социальной и личной безопасности), что свидетельствует о диффузии практик как внутри сложившихся сетей, так и между сплоченными группами городских сообществ.

С другой стороны, в каждом городе имеется ряд инициатив, сетевая кооперация в рамках которых хотя преимущественно и не имеет выхода на уровень публичной политики, но при этом в значительной степени опирается на мобилизацию ресурсов обычных горожан (защита прав животных и помощь им, проблема безопасности личности и социального пространства). Подобные инициативы будут проанализированы в заключительной части статьи.

Ресурсный обмен в сетях и ограничения городской публичной политики

Каждая из определенных ранее тенденций помимо влияния на особенности кооперации участников сети оказывает влияние на эффективность интеграции участников в процесс формирования городской политики. При этом можно выделить несколько условий, которые определяют успешность кооперации с органами муниципальной и государственной власти.

В целом речь идет о характере сложившегося на территории региона или муниципального образования политико–административного режима или о том, что в теории социальных движений у С. Тэрроу, Х. Кризси, Г. Кичельта, Р. Коопманса и др. обозначается как структура ограничений и возможностей: относительная закрытость или, наоборот, открытость институциональных механизмов; наличие или отсутствие коалиции претендентов или конфликтов между субъектами публичной политики[1].

Сами усиливающиеся авторитарные тенденции[2] по сокращению институциональных возможностей на уровне регионов России, как, например, отмена прямых выборов губернаторов и мэров, ставят вопрос о расширении области концептуального поля анализа вплоть до использования организационной теории (подходы Х. Олдрича и К. Хантера) для рассмотрения процессов формирования практик координации между органами публичной власти и гражданскими инициативами.

Подобное повышение роли вертикальных связей и рост зависимости политических институтов городских муниципальных образований в значительной степени способствуют расширению административных по своему

---

[1] McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. Introduction: Opportunities, mobilizing structures, and framing processes — toward a synthetic, comparative perspective on social movements // Comparative perspectives on social movements. Political opportunities, mobilizing structures, and cultural framings /ed. by D. McAdam, J.D. McCarthy, M.N. Zald. Cambridge: Cambridge University Press, ed. – 2004. – P. 10.

[2] Gel'man V. Authoritarian Russia: Analyzing Post–Soviet Regime Changes. University of Pittsburgh Press. – 2015.

характеру практик. Это, в свою очередь, ведет к формированию на базе межинституционального взаимодействия организационного поля с соответствующим процессом институциональных изоморфных изменений, который может проецироваться на стратегии включения участников сетевых инициатив в публичную политику.

Предложенные Д. Димаджио и У. Пауэллом причины и механизмы организационного изоморфизма (принудительный, подражательный и нормативный)[1] в своей логике внешнего взаимодействия предполагают утверждение когнитивных моделей классификации различных групп участников. Соответствующие организационные фреймы при доминировании логики не политического, а организационного поля, позволяют определить доступные общественным инициативам механизмы кооперации с органами власти в зависимости от текущего маркирования границ публичного поля (союзник/противник) и артикулируемой проблемной повестки (приемлемая/неприемлемая).

Особенностью кейсов всех городов является эффект ограниченной институциональной открытости, связанный либо с доступом граждан к прямому участию в выборах мэров (Новосибирск и Екатеринбург), либо с практикой целевой смены губернатора (Челябинская область) и публичного пересмотра характера предшествующего гражданско–государственного взаимодействия[2].

Челябинск: сетевая кооперация и административная неопределенность как продукт протестной мобилизации

Экологическая проблемная повестка для города и региона имеет достаточно давнюю традицию, связанную не только с актуальными для области последствиями радиоактивного загрязнения (авария на ПО «Маяк»), но и с тяжелыми для экологии последствиями добычи меди в городе Карабаше, попыткой прежней городской администрации сократить площади городского бора для застройки, практикой массовой вырубки деревьев в ходе развития дорожной сети.

При этом возможности для протестной мобилизации институционально достаточно долго поддерживались конфликтными отношениями между

[1]Димаджио П.Д., Пауэлл У.В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология. – 2010. – Т. 11. – №. 1.

[2] Данная оценка связана как с отменой института прямых выборов губернатора, так и чередой коррупционных скандалов в команде бывшего губернатора М. Юревича.

администрациями мэров города и командами губернаторов на каждом уровне, что способствовало формированию и сохранению неформальных коалиций участников городской политики. На этом фоне необходимо отметить формирование через локальные протестные практики протестной культуры у части горожан (движение в защиту городского бора, акции против переноса городского автовокзала, движение в защиту органного зала и против передач его помещения Русской Православной Церкви).

В результате инициативные группы получили негативный опыт защиты своих интересов (перенос автовокзала и органного зала), но при этом проблемная повестка города в большей степени сохранила актуальными экологические вопросы, позволив сформировать инициативные группы «За природу Челябинска», «Вредные выбросы г. Челябинска», движение «Стоп ГОК».

Инициативная группа против строительства Томинского горно–обогатительного комбината, возникшая в 2013 году, стала на текущий момент примером как наиболее успешного общественного движения, так и сетевой кооперации коалиции его участников.

Анализ практик распределения ресурсов хотя и фиксирует достаточно традиционную для гражданских инициатив структуру капитала в обмене (информационные, интеллектуальные, финансовые ресурсы), однако круг участников сети выходит за рамки проблемного сектора, включая СМИ и широкие общественные инициативы (движение «Большой Челябинск»). Помимо кооперации с экологическими инициативными группами и движениями сеть движения против строительства Томинского ГОКа включает достаточно эффективное взаимодействие с бизнес–сообществом, представители которого выступают со встречными инициативами и преимущественно участвуют в поддержке материально–финансового ресурса движения. С другой стороны, мобилизационная активность движения создает условия для кооперации с региональными движениями за гражданские права (Гражданское движение Южного Урала) и политическими партиями («Яблоко», КПРФ).

Анализ практик организационного поля и соответствующих ему организационных фреймов на данном примере позволяет сделать несколько значимых выводов.

С одной стороны, как показывает проведенный фондом «Петербургская политика» анализ экологических конфликтов в регионах России 2011 – 2013 гг., в достаточно большом числе случаев имеет место или победа экологов, либо конфликт приобретает затяжной и неопределенный по своим последствиям

характер[1]. При этом можно отметить, что примеры относительного успеха экологических движений в значительной степени связаны с конфликтами по поводу строительства крупных объектов (атомных электростанций, месторождений, ГОКов и пр.), социальные риски которых могут быть интерпретированы в рамках текущих организационных фреймов как угроза публичным принципам «социального контракта» с населением в рамках региона. Другими словами, проекция организационной теории на взаимодействие органов власти и общества в данной проблематике продуцирует на институциональном уровне неопределенность тем больше, чем успешнее проблематизирован конфликт относительно уровней действительной институциональной иерархии.

Если в логике организационного поля подобная ситуация должна вести к использованию метода подражания (поиску для экономии ресурсов доступной практики для заимствования), то в нашем случае, скорее, работает логика вывода конфликтной ситуации из процесса принимаемого решения путем замораживания конфликта или включения механизмов дополнительных согласований на более высоком уровне, схожих со способами разрешения конфликтов в СССР[2].

Относительно самого общественного движения можно отметить, что, с одной стороны, практики горизонтальной кооперации в сети задействуют ресурсы других групп за пределами города и региона (напр., кооперация с движением против освоения месторождения никеля в Воронежской области), с другой – используются механизмы целевого воздействия на региональные и федеральные органы власти (обращение к губернатору, подготовка экспертных заключений, формирование электронной петиции и пр.), которые изменяют масштаб проблемы с локального на региональный и даже общероссийский. В этой ситуации фиксируемый нейтралитет органов региональной власти дополняется попыткой квалифицировать проблему и определить ее масштаб через подключение механизмов взаимодействия на федеральном уровне (включение в организационную кооперацию полномочного представителя президента, структур Совета безопасности, проведение целевого социологического исследования по проблеме ВЦИОМ), что вполне согласуется с указанной выше организационной логикой.

---

[1]Экологические конфликты в российских регионах. Аналитический обзор. Фонд «Петербургская политика». – 19 февраля 2013 г. – URL: http://old.fpp.spb.ru/fpp–eco_2013–02.php (дата обращения: 15.02.2018).

[2]Кордонский С.Г. Рынки власти: административные рынки СССР и России. –М.: ОГИ. – 2000. – С. 16–17.

Новосибирск и Екатеринбург: стратегия профессионализации и целевая инкорпорация гражданских инициатив в публичную политику

В случае Новосибирска можно отметить две значимые публичные проблемные области: право на культурный плюрализм (театральные постановки, культурно–массовые мероприятия) и защита городской среды/улучшение ее качества (защита архитектурного облика города, борьба с мусором, контроль над оказанием коммунальных услуг).

С одной стороны, сетевая кооперация инициативных групп и движений по общей проблематике преимущественно связана с обменом ресурсами (информационные, интеллектуальные), взаимодействием с экспертами и подготовкой предложений для городской администрации.

С другой стороны, возникший конфликт на почве оскорбления чувств верующих оперной постановкой, как и в схожем случае в Челябинске, создал условия для расширения сети протестной мобилизации, а позже, после неудачного для активистов разрешения конфликта, сформировал основания для трансформации проблемной повестки и последующего расширения кооперации участников инициативной группы.

Отсутствие успеха инициативной группы «За «Тангейзер» и свободу творчества» может быть объяснено попаданием ситуации в организационный фрейм угрозы на фоне повышения роли государственной политики в области образования и культуры. Однако наиболее значимой является происходящая трансформация проблемной повестки в пользу защиты театра как памятника архитектуры и культурного достояния, что сопровождается расширением сети кооперации через включение в них инициатив по защите городской среды («Искалеченный Новосибирск»).

Взаимодействие с органами власти на примере Новосибирска может быть успешно объяснено через механизм профессионализации в концептуализации развития организаций у М. Ларсона и Р. Коллинза. Вопросы эффективного городского управления, развития инфраструктуры и сервисов для горожан, волонтерские и социальные проекты могут быть оценены как область желаемого и востребованного взаимодействия, не имеющая в терминах организационного фрейма признаков публичных институциональных рисков, которые соответствуют, например, неоднозначным перформансам (акции культурного плюрализма городских «монстраций») или инициативам по защите политических прав.

Подобный институциональный контекст позволяет ряду движений и инициатив («Искалеченный Новосибирск», «ЖКХ Контроль Новосибирск»,

«Гражданский патруль») обеспечивать активную и эффективную координацию действий с вновь выбранными органами власти города через участие в работе Градостроительного совета, информирование органов власти и подготовку предложений, посредничество в вопросах защиты прав горожан. При этом можно отметить, что формирующиеся направления кооперации участников сети имеют схожий с аналогичными проектами в Москве и Санкт–Петербурге характер (обустройство жилых и пешеходных зон, развитие велосипедной инфраструктуры и пр.), что предполагает потенциальную двустороннюю заинтересованность в развитии кооперативных практик через привлечение экспертов, взаимодействие с бизнес–сообществом.

Другой особенностью кооперации с органами власти является возможность получения инициативными группами посреднических функций, что достаточно успешно практикует общероссийское движение «Гражданский патруль» (подготовка обращений граждан, проведение проверок точек незаконной продажи алкоголя и др.), в том числе через создание сервисной инфраструктуры для горожан (краудсорсинговый сервис для подачи жалобы на работу коммунальных служб, деятельность организаций и пр.), что формирует сетевую структуру участников.

В случае Екатеринбурга особенностью, с одной стороны, является избрание мэром руководителя востребованного общественного фонда «Город без наркотиков», с другой стороны, отсутствие в городской политике значимых конфликтов, которые бы формировали сеть участников общественных движений и инициатив с большим мобилизационным потенциалом, как в случае Челябинска и Новосибирска.

Данная стратегия, как и в случае с движением «Гражданский патруль», кроме функции посредничества предполагает возможность формирования широкой сети участников–волонтеров через распространение элементов социальной технологии взаимодействия (сбор информации о точках продажи наркотиков и канал распространения информации о борьбе с ними).

В остальных случаях локальные инициативы в области экологии и градостроительства в Екатеринбурге по характеру сетевого обмена (информационные и интеллектуальные ресурсы) и кооперации с бизнесом и органами власти (отправка запросов, обмен информацией) достаточно схожи с примерами из других городов.

Сетевая мобилизация за границами городской публичной политики

Анализ городских инициатив во всех городах демонстрирует формирование ограниченной сетевой кооперации, участники которой в значительной степени

находятся на периферии интересов органов власти или игнорируются ими. При этом отличием подобных сетевых групп от движения за политические и гражданские права является либо практическое отсутствие посредников при оказании влияния на публичную политику, либо низовое и достаточно активное участие горожан в деятельности подобных инициатив.

Характерным примером этого является кооперация в области защиты прав животных, сеть участников которой («Помощь бездомным животным» в Екатеринбурге, «ВИТА – Челябинск» и др.) часто включает сообщества вегетарианцев, приюты для собак и кошек, зоомагазины. Устойчивая кооперация и достаточно интенсивный ресурсный обмен участников формируют сообщество по модели социального сервиса. Для подобных инициатив взаимодействие с органами власти носит крайне ограниченный характер (проблема отлова и стерилизации/уничтожения бродячих животных, проблема целенаправленной травли собак жителями–»догхантерами») и часто не имеет успеха.

В другом случае востребованной является повестка индивидуальной и социальной безопасности горожан («Трезвые Дворы» в Челябинске и Новосибирске), которая формирует сеть кооперации участников мобилизационного типа. С одной стороны, подобные инициативы имеют целевую повестку (борьба с употреблением алкоголя, наркотиков), которая позволяет как обеспечить ресурсный обмен участников (информационные материалы, видеофиксация и распространение успешных примеров деятельности), так и мобилизовать их по сетевому принципу (проведение рейдов с проверкой и видеофиксацией действия запрета на распитие алкоголя в публичных местах, соблюдение режима торговли спиртным ночью и пр.).

Доминирование акций прямого действия, аналогичных практикам движения «СтопХАМ», позволяет через инструменты социальных сетей и видеоблогов распространять и легитимировать неполитический акционизм, что открывает публичное пространство, в том числе для конфликтных по содержанию и дискриминационных в отношении отдельных социальных групп практик (поиск и наказание нарушителей)[1].

Кооперация участников подобных инициатив носит преимущественно межрегиональный характер (аналогично фонду «Город без наркотиков», движению «Гражданский контроль» и экологическим инициативам) и ограничивается смежными по проблематике инициативами (за здоровый образ

[1] Курочкин А.В., Никифоров А.А. Гражданские инициативы в условиях сетевого общества: новые возможности и ограничения // Современные исследования социальных проблем. – 2015. – №1(45). – С. 248 – 249.

жизни, русские пробежки, безопасность женщин в городе и пр.).

С точки зрения взаимодействия с органами власти подобных инициатив можно выделить, с одной стороны, модель кооперации в случае движения «Гражданский контроль» и фонда «Город без наркотиков», когда участники инициатив выполняют роль социального и контролирующего сервиса в городе. В этом случае подобные интегрированные в городскую политику движения могут выполнять посредническую функцию для инициатив, использующих принцип прямого действия. Здесь можно говорить как о соответствии подобных инициатив организационному фрейму приоритета общественной безопасности, так и о формировании в публичном пространстве институциональной лакуны, где неэффективные практики и надзор органов регулирования и правопорядка могут быть замещены прямыми акциями групп активистов–волонтеров. В целом можно отметить значительные риски в подобной модели, которые, однако, пока не могут быть в полной мере раскрыты.

Библиография / References:

1. Димаджио П.Д., Пауэлл У.В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология. – 2010. – Т. 11. – № 1.

2. Кордонский С.Г. Рынки власти: административные рынки СССР и России. – М.: ОГИ, 2000.

3. Кольба А.И., Соколов А.В. Городской конфликт: проблемы дефиниции, типологизации и управления // Конфликтология. – 2016. – № 4. – С. 234 – 252.

4. Курочкин А.В., Никифоров А.А. Гражданские инициативы в условиях сетевого общества: новые возможности и ограничения // Современные исследования социальных проблем. – 2015. – № 1 (45). – С. 248– 249.

5. Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 2. – С. 82– 102.

6. Сморгунов Л.В. Управляемость и сетевое политическое управление // Власть. – 2014. – № 6. – С. 5–14.

7. Соколов А.В., Палагичева А.В. Тенденции развития гражданского участия в современной России // POLITBOOK. – 2016. – № 3. – С. 85 – 97.

8. Соловьев А.И. Государственные решения: концептуальный простор и тупики теоретизации // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 3. – С. 127– 146.

9. Шерстобитов А.С. Координация как механизм коллективного действия в городских политических сетях (на примере Санкт-Петербурга) // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 5 (35). – С. 148 – 153.

10. Börzel, T.A. Organizing Babylon - on the different conceptions of policy networks // Public Administration. – 1998. – Vol. 76. – №2. – P. 253 – 273.

11. Gel'man V. Authoritarian Russia: Analyzing Post-Soviet Regime Changes. University of Pittsburgh Press. – 2015.

12. McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. Introduction: Opportunities, mobilizing structures, and framing processes — toward a synthetic, comparative perspective on social movements // Comparative perspectives on social movements. Political opportunities, mobilizing structures, and cultural framings /ed. by D. McAdam, J.D. McCarthy, M.N. Zald. – Cambridge: Cambridge University Press, ed. – 2004. – Pp. 10

13. Rhodes, R.A.W., 1996. The New Governance: Governing without Government // Political Studies. – 44(4). – Pp. 652–667.

14. Sherstobitov A. The potential of social media in Russia: From political mobilization to civic engagement // ACM International Conference Proceeding Series. – 2014. – Pp. 162 – 166.

1. Dimadzhio, P.D., Pauell, U.V. (2010) Novyi vzgliad na «zheleznuiu kletku»: institutsional'nyi izomorfizm i kollektivnaia ratsional'nost' v organizatsionnykh poliakh [The “iron cage” revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields] // Ekonomicheskaia sotsiologiia [Economic sociology]. – T. 11. – №. 1. (In Russ.)

2. Kordonskii, S.G. (2000) Rynki vlasti: administrativnye rynki SSSR i Rossii [The markets of power: administrative markets in USSR and Russia]. – M.: OGI. (In Russ.)

3. Kol'ba, A.I., Sokolov, A.V. (2016) Gorodskoi konflikt: problemy definitsii, tipologizatsii i upravleniia [Urban conflict: issues of definition, typology and management] // Konfliktologiia [Conflictology]. – № 4. – P. 234 – 252. (In Russ.)

4. Kurochkin, A.V., Nikiforov, A.A. (2015) Grazhdanskie initsiativy v usloviiakh setevogo obshchestva: novye vozmozhnosti i ogranicheniia [Civic initiatives in the network society: new opportunities and limitations] // Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem [Modern research of social issues]. – № 1 (45). – P. 248 – 249. (In Russ.)

5. Miroshnichenko, I.V., Morozova, E.V. (2017) Setevaia publichnaia politika: kontury predmetnogo polia [Network public politics: the contours of the research field] // Polis. Politicheskie issledovaniia [POLIS. Political Studies]. – № 2. – P. 82 – 102. (In Russ.)

6. Smorgunov, L.V. (2014) Upravliaemost' i setevoe politicheskoe upravlenie [Governability and network political governance] // Vlast' [The Power]. – № 6. – P. 5 – 14. (In Russ.)

7. Sokolov, A.V., Palagicheva, A.V. (2016) Tendentsii razvitiia grazhdanskogo uchastiia v sovremennoi Rossii [Trends of civic participation development in modern Russia] // POLITBOOK. – № 3. – P. 85 – 97. (In Russ.)

8. Solov'ev, A.I. (2015) Gosudarstvennye resheniia: kontseptual'nyi prostor i tupiki teoretizatsii [State decisions: conceptual variety and limits of theory] // Polis. Politicheskie issledovaniia [POLIS. Political Studies]. – № 3. – P. 127– 146. (In Russ.)

9. Sherstobitov, A.S. (2014) Koordinatsiia kak mekhanizm kollektivnogo deistviia v gorodskikh politicheskikh setiakh (na primere Sankt-Peterburga) [Coordination as the mechanism of collective action in urban policy networks (case of Saint Petersburg)] // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk [Central Russian Journal of Social Sciences]. – № 5 (35). – P. 148 – 153. (In Russ.)